

Роман Сергеевич Бевзенко

профессор Российской школы частного права,
кандидат юридических наук

Торговая регистрация и торговые реестры: история и теория

В статье рассматриваются правовые проблемы, возникающие в сфере регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей. Разбираются теоретические основы построения торговых реестров. Анализируются принципы торговой регистрации (принцип внесения, противопоставимости, легальности, открытости), процедуры оспаривания недостоверных записей и проблемы ответственности лица, ведущего торговый реестр.

Ключевые слова: регистрация юридических лиц, регистрация индивидуальных предпринимателей, реестр юридических лиц, публичная достоверность

Roman Bevzenko

Professor at Russian School of Private Law, PhD in Law

Trade Registration and Trade Registers: History and Theory

The article deals with legal issues of registration of legal entities and individual entrepreneurs. Theoretical bases for the development of trade registers are considered. Principles of trade registration (principle of entry, opposability, legality, openness), procedures for challenging false records, and issues of responsibility of the entity maintaining the trade register are analyzed.

Keywords: registration of legal entities, registration of individual entrepreneurs, register of legal entities, public credibility

I. Цели регистрации в гражданском праве

Надежная фиксация наступления тех или иных юридических фактов гражданского права необходима для того, чтобы в случае возникновения спора в суде лица, ссылающиеся на данные факты, имели возможность быстро и эффективно доказать в ходе процесса, что они имели место. Это наиболее очевидная функция юридической фиксации фактов, которая, вероятнее всего, появилась практически одновременно с возникновением письменности.

Однако такой могучий инструмент, как регистрация юридических фактов, разумеется, не мог остаться без внимания со стороны государственных институтов. Постепенно, по мере развития идей о правовом значении регистрации, правопорядки отходят от простого доказательственного значения регистрации, придавая ей, во-первых, качество *обязательности* (так называемый *принцип внесения*), а во-вторых, *наделяя регистрацию в некоторых случаях правопорождающим (конститутивным) эффектом* (подробнее об этом см. второй раздел статьи).

Проложила себе дорогу и такая идея: если регистрация фактов или прав обладает правопорождающим (конститутивным) эффектом, то целесообразно было бы производить *проверку наличия действительных оснований* для регистрации соответствующих юридических фактов или частных прав. Только проверенные, законные основания отныне признаются правопорядками поводом к совершению регистрационных записей. Такое качество регистрации называется *принципом легалитета*.

Наконец, распространение грамотности и совершенствование технологий и регистрационных процедур привели к тому, что записи о регистрации фактов стали доступны публике: к ним могли обращаться любые лица, заинтересованные в том, чтобы убедиться в наличии тех или иных юридических фактов или прав. Так у регистрации появилось такое свойство, как *публичность*, т.е. открытость регистрационных записей для публики.

Соединение идеи об обязательности записей для целей возникновения прав или существования юридических фактов, презумпции законности регистрации, а так-

же качества публичности записей неизбежно привело к осознанию такого юридического эффекта регистрации, как *публичная достоверность реестра*. Иными словами, за регистрацией тех или иных фактов (или частных прав) признается свойство признания их существования со стороны правопорядка (положительный эффект регистрации); в случае же если юридический факт или право не были зарегистрированы, они не признаются существующими (отрицательный эффект регистрации).

Таковы основные цели частноправовой регистрации: создать у публики высокую уверенность в том, что что-то (значимое с точки зрения права) существует либо отсутствует.

Юридически значимая регистрация наиболее активно пробивает себе дорогу там, где требуется предоставить возможность знать о существовании каких-либо фактов либо прав максимально широкому кругу лиц. Легко заметить, что это сфера так называемых абсолютных правоотношений, т.е. правоотношений, в которых одному управомоченному лицу противостоят все лица, подчиненные данному правопорядку. Например, наиболее известная сфера, охватываемая государственной регистрацией, — это права на недвижимое имущество (собственность и обременения недвижимости). Это вполне объяснимо: владение недвижимыми вещами (в отличие от движимости) зачастую трудно распознать; кроме того, весьма распространены случаи, когда недвижимостями владеют несколько лиц. Наконец, бывает, что ограниченные вещные права на недвижимость вообще никак не связаны с владением ею (например, ипотека). Для цели придания этим правам свойства публичности и вводится регистрация.

Другой пример — исключительные права. В случае с результатами интеллектуальной деятельности такой важнейший легитимирующий признак, как владение, отсутствует вовсе. Это означает, что для того, чтобы все третьи лица знали о действительной принадлежности прав на изобретения, товарные знаки, наименования мест происхождения товаров и проч., необходима регистрация этих прав в специальных реестрах.

Очень близко к идее регистрации исключительных прав стоит идея регистрации корпоративных прав — прав на доли в уставных капиталах обществ с ограниченной ответственностью и на именные акции. Понятно, что в последнем случае функцию оповещения всех третьих лиц о принадлежности корпоративных прав (т.е. прав *из акций*) долгое время выполняла документарная форма этих ценных бумаг: владение бумагой означало и принадлежность корпоративных прав. Однако в связи с дематериализацией ценных бумаг (и в первую очередь акций) потребность в использовании легитимационной функции регистрации корпоративных прав привела к развитию системы регистрации прав, удостоверяемых такими бумагами в реестрах, которые ведут особые профессиональные участники рынка ценных бумаг — регистраторы.

Наконец, еще одна сфера частного права, в которой регистрация уверенно заняла весомое место, — это регистрация фактов, связанных со статусом лиц: речь идет в первую очередь о государственной регистрации актов гражданского состояния физических лиц (факты рождения, вступления в брак, смерти). Эти записи необ-

ходимы, чтобы все вступающие в отношения с гражданами могли безошибочно определять возраст контрагента (для определения дееспособности), его гражданство (для определения применимого права), наличие либо отсутствие брака (для определения прав на имущество и порядка совершения сделок).

Но и аналогичные состояния лиц юридических — создание, реорганизация, ликвидация — также подвергаются государственной регистрации. Регистрация этих фактов может быть объяснена следующим образом: она необходима для того, чтобы все третьи лица, вступающие в отношения с искусственными субъектами — юридическими лицами, могли бы полагаться на то, что последние действительно существуют, могли бы определять, какое лицо имеет право действовать от имени юридического лица, были бы способны распознавать режим совершения сделок юридического лица, имели бы возможность направлять этому лицу юридически значимые сообщения по определенному адресу и проч.

Последней задаче и служит система норм, устанавливающая правила о регистрации коммерсантов и создаваемых ими юридических лиц (включая в себе положения о регистрации создания юридического лица, его реорганизации, ликвидации, о местонахождении юридического лица, о лицах, имеющих право действовать от его имени, о порядке депонирования уставов юридических лиц, о порядке предоставления информации, содержащейся в реестре третьим лицам), которую далее я буду обозначать термином «*торговая регистрация*».

II. Краткий обзор истории торговой регистрации

Исторически торговая регистрация возникла в Средние века в связи с гильдейским (цеховым) устройством торгового промысла. По свидетельству А.И. Каминки, происхождение торговой регистрации как правильно организованного института тесно связано с гильдейскими матрикулами, которые, впрочем, были внутренним инструментом устройства гильдий, а не служили целям доступа публики к информации о членах гильдий¹. Впрочем, даже такая регистрация членов гильдий могла быть использована для решения отдельных правовых коллизий с участием третьих лиц — матрикулы определяли юрисдикцию цехов и гильдий, а впоследствии, исходя из этих списков, решался вопрос о солидарности ответственности членов торговых и промышленных объединений по общим долгам, возникшим в ходе общего промысла.

Любопытно, что первые попытки организовать торговую регистрацию по образцу регистрации поземельной² (т.е. при помощи особых органов, которые вели бы реестры, открытые публике и признаваемые достоверными) случились довольно поздно — в период объединения германских государств во второй половине XIX в.³ При этом со свойственным германским юристам стремлением к систематизации и

¹ См.: Каминка А.И. Очерки по торговому праву. М., 2002. С. 203.

² Последняя начала свое системное развитие в начале XIX в. в германских государствах.

³ См.: Гарейс К. Германское торговое право. Вып. 1. М., 1893. С. 62.

упорядочению правового материала представления о торговой регистрации были приведены в систему, а последствиям наличия или отсутствия регистрации был придан *правовой* характер⁴.

В другой передовой «юридической» державе мира — Франции в тот же период дела с торговой регистрацией обстояли настолько плохо, что само предпринимательское сообщество постоянно выступало с инициативами по формированию системного подхода к торговой регистрации⁵.

В настоящее время немецкая идея торгового реестра — открытого, надежного и потому публично достоверного — в целом восторжествовала в западной правовой традиции. В относительно недавнем сравнительно-правовом исследовании европейского корпоративного права авторы отметили, что им не известна ни одна европейская юрисдикция, в которой бы идея торговой регистрации не была бы представлена в том или ином виде⁶.

Еще сильнее ценность торговой регистрации (*company registration*) как способа защиты интересов третьих лиц, контрактирующих с компанией, подчеркивается американскими юристами: регистрация компаний рассматривается как инструмент для придания качества публичности финансовым отчетам юридических лиц, чьи бумаги торгуются на бирже⁷.

Ценность торговой регистрации как способа доведения информации о компании, ее участниках и представителях до неограниченного круга третьих лиц поддержана и на уровне общеевропейского законодательства — последняя директива ЕС в этой сфере⁸ представляет собой попытку создать глобальный и транспарентный механизм сотрудничества систем торговой регистрации стран — членов ЕС с тем, чтобы любое заинтересованное лицо из одной юрисдикции могло быстро получить в понятной форме информацию о компании, зарегистрированной в другой юрисдикции.

В России состояние представлений о торговой регистрации в принципе повторяет то, что происходило с этим институтом в других европейских странах. Изначально

⁴ См.: *Гарейс К.* Указ. соч. С. 62.

⁵ См.: *Каминка А.И.* Указ. соч. С. 207.

⁶ См.: *Adenas M., Wooldridge F.* *European Comparative Company Law.* Cambridge, 2009. P. 52.

⁷ См.: *Albert M.* *Company Registration in Its Historical Context: Evolution Not Revolution* // *U. Miami Bus. L. Rev.* 2001. Vol. 9. P. 68 ff.

⁸ См.: Directive (EU) 2017/1132 of European Parliament and of the Council of 14 June 2017 relating to certain aspects of company law (codification). Ее предшественниками были First Council Directive 68/151/EEC of 9 March 1968 on co-ordination of safeguards which, for the protection of the interests of members and others, are required by Member States of companies within the meaning of the second paragraph of Article 58 of the Treaty, with a view to making such safeguards equivalent throughout the Community и Directive 2009/101/EC of the European Parliament and of the Council of 16 September 2009 on coordination of safeguards which, for the protection of the interests of members and third parties, are required by Member States of companies within the meaning of the second paragraph of Article 48 of the Treaty, with a view to making such safeguards equivalent.

фиксация принадлежности того или иного лица к купеческому сословию фиксировалась самим сообществом; затем (в период поздней Империи) начала формироваться система отдельных реестров, которые фиксировали некоторые юридически значимые факты, связанные с ведением торговли, однако общего торгового реестра создано не было (несмотря на три попытки подготовки Положения о торговой записи)⁹.

Первая же отечественная система торговой регистрации была создана в России в период НЭПа¹⁰. Российские юристы той эпохи отмечают, что система торговой регистрации имеет своей целью «удовлетворить запросы государственного управления и определить юридическое положение регистрируемого объекта, прежде всего, по отношению к государству»¹¹. Однако бурное развитие частного правового оборота в период НЭПа поставило перед торговой регистрацией и другую задачу — защиту интересов частных лиц, вступающих в сделки с юридическим лицом, путем придания записям торгового реестра свойства публичной достоверности¹².

Немалую роль в этом сыграл Гражданский кодекс РСФСР 1922 г., который — несмотря на то, что он был кодексом Советского государства — по сути, явился первым действовавшим кодифицированным актом частного права в России. Именно положения этого Кодекса увязали между собой последствия торговой регистрации и классические институты корпоративного права. Например, ст. 14 ГК РСФСР 1922 г. устанавливала, что правоспособность юридического лица возникает с момента его регистрации. Статья 298 предусматривала, что полное товарищество признается юридическим лицом с момента внесения записи о нем в реестр; ст. 313 и 338 распространили это правило на товарищества на вере и акционерное общество. Статья 306 Кодекса гласила, что изменения товарищеского договора в полном товариществе имеют силу для третьих лиц с момента их регистрации в торговом реестре.

В дальнейшем развитие представлений о торговой регистрации в России остановилось в связи с полным огосударствлением экономики и отсутствием какой-либо потребности в наличии системы раскрытия неограниченному кругу третьих лиц информации о юридических лицах.

⁹ См.: Каминка А.И. Указ. соч. С. 204.

¹⁰ Положение о торговой регистрации от 25.10.1925, которое было заменено положением с аналогичным названием от 31.08.1927. В 1931 г. было принято Положение о государственной регистрации предприятий, организаций и лиц, участвующих в хозяйственном обороте. Оно, в свою очередь, было заменено положением 1940 г. В 1956 г. регистрация юридических лиц в СССР была вовсе отменена; вместо нее Министерству финансов СССР было предложено контролировать законность создания юридических лиц в ходе налогового контроля, а государственным банкам — при открытии банковских счетов.

¹¹ *Иваницкий Д.И.* Торговая регистрация. М., 1926. С. 5 и далее.

¹² Там же. С. 8.

III. Типы регистрационных записей

В зависимости от того, *что именно подлежит раскрытию публице*, система торговой регистрации может предусматривать регистрацию либо *фактов* (фактов создания юридического лица, изменения учредительного документа юридического лица, назначения лица исполнительным органом юридического лица, нахождения юридического лица по определенному адресу, начала процедуры реорганизации или ликвидации юридического лица, получения тех или иных лицензий, заключения между участниками общества корпоративного договора), либо прав (права на фирму, на долю в компании, залога доли в компании), которые возникают у третьих лиц (но связаны с юридическим лицом) или у юридического лица в отношении третьих лиц.

Легко заметить, что в случае с регистрацией фактов (для целей раскрытия информации о наступлении этих фактов неограниченному кругу третьих лиц) юридический эффект такой регистрационной записи по общему правилу может быть охарактеризован как *деклараторный*.

Это означает, что существование факта, записанного в реестр, а также вызываемых им правовых последствий предопределяется не тем, что его наступление зарегистрировано, а тем, что он состоялся как явление реальной жизни. Здесь было бы уместно провести параллель с рождением или смертью человека. Эти факты наступают и даже порождают правовые последствия не в связи с тем, что они (факты рождения или смерти) зарегистрированы, а просто потому, что они состоялись. Рождения и смерти граждан фиксируются для того, чтобы третьим лицам было проще распознавать соответствующие правовые последствия этих фактов.

Применительно к торговой регистрации, например, факт начала процедуры реорганизации юридического лица либо его ликвидации порождает соответствующие правовые последствия. Однако для того, чтобы само юридическое лицо или третьи лица могли ссылаться на знание либо незнание о реорганизации либо процедуре ликвидации, законодатель установил обязанность придать соответствующему факту эффект публичности путем регистрации его в реестре.

Другой пример. Некий гражданин избирается участниками корпорации в качестве исполнительного органа корпорации. Он приобретает этот статус с момента принятия решения собрания участников корпорации. Последующее внесение в реестр записи о том, что это лицо осуществляет функции исполнительного органа, лишь оповещает всех третьих лиц о факте наделения этого гражданина соответствующими полномочиями.

Нормативной основой для подобного рода рассуждений являются положения п. 6 ст. 52 ГК РФ, устанавливающие этот принцип (именуемый иногда *принципом противопоставимости*) для изменений в учредительные документы юридического лица: для участников юридического лица они вступают в силу с момента одобрения на общем собрании, а для третьих лиц — с момента регистрации.

В отношении же прав, регистрируемых в реестре, верным будет другой вывод: записи обладают *конститутивным* эффектом. Иными словами, *записи создают*

права. Это означает, что до внесения записи — несмотря на наличие соответствующего частнопроводного состава, необходимого для возникновения права, — его не существует, оно возникает лишь в момент внесения записи в реестр. В данном случае было бы неправильно утверждать, что права, возникновение которых подчинено принципу записи¹³, возникают в результате волеизъявления чиновника регистрационного ведомства: все-таки для того, чтобы началось регистрационное производство, требуется заявление частного лица — будущего правообладателя.

Как правило, принцип конститутивной регистрации вводится, когда регистрационное ведомство осуществляет более или менее интенсивную проверку оснований, порождающих записываемое в реестр право (т.е. проводят экспертизу представляемых заявителем документов). Это связано с тем, что в отличие от деклараторной регистрации фактов, назначение которой заключается лишь в простом опубликовании фактов для третьих лиц, конститутивная регистрация является *обязательной* и потому обладает большей ценностью для оборота: когда права не могут возникнуть иначе, чем путем записи в реестре, внимание, которое ведущее реестр лицо должно уделять своим записям, должно быть, несомненно, выше. Впрочем, функция правовой экспертизы может осуществляться не в самом органе по регистрации, а путем передачи ее на «аутсорсинг»: нотариусам (путем установления нотариального удостоверения документов, которые будут представлены в регистрационное ведомство) или иным членам юридической корпорации, которые должны подтверждать, что представляемые документы юридически корректны.

Однако эта связь не является линейной. Так, юридическое лицо возникает не в результате простого волеизъявления его учредителей о создании юридического лица, а в силу внесения в реестр записи о факте создания юридического лица¹⁴. По всей видимости, это связано с тем, что правомерность создания юридического лица подлежит проверке со стороны органа, который ведет реестр, а также нотариуса, участвующего в удостоверении подписи заявителя на заявлении о государственной регистрации юридического лица.

Таким образом, выбор модели регистрации — *правоустанавливающей* или *правоподтверждающей* — предопределяется не только тем, что именно регистрируется (факты или права), но также и тем, подвергается ли регистрируемый факт юридическому анализу со стороны регистратора (либо иных лиц, вовлеченных в силу закона в процедуру регистрации, например нотариуса).

Любопытно, что регистрация физического лица в качестве предпринимателя явно имеет не конститутивный, а *деклараторный* характер. Это следует, в частности, из положений п. 4 ст. 23 ГК РФ: даже если гражданин не зарегистрирован в качестве предпринимателя, но фактически занимается предпринимательской деятельностью, к совершенным им сделкам подлежат применению правила о сделках коммерсантов. Это довольно тонкая норма: отсутствие регистрации лица в качестве предпринимателя порождает последствия в виде квалификации его сделок как

¹³ В праве недвижимости этот принцип обычно именуют принципом внесения.

¹⁴ См.: п. 3 ст. 49, п. 8 ст. 51 ГК РФ.

сделок, совершенных предпринимателем, для «вторых» лиц — его контрагентов. В ст. 23 Кодекса ничего не говорится о *третьих* лицах — могут ли они рассматривать такое лицо как предпринимателя, если они знают о том, что он ведет предпринимательскую деятельность. В частности, речь может идти о деликтах, совершаемых таким лицом, об абсолютных правоотношениях (например, о принадлежности товарного знака¹⁵), о банкротстве такого лица¹⁶, о процессуальных, налоговых и иных публичных отношениях.

Представляется, что с учетом того, что регистрация предпринимателей обладает не конститутивным, а деклараторным характером, отсутствие регистрации не должно служить препятствием для применения норм, регулирующих отдельные аспекты деятельности гражданина-коммерсанта (не связанных с его сделками), к лицам, не зарегистрированным в качестве таковых.

IV. Исключения из принципа обязательной конститутивной регистрации

Последовательное проведение конститутивной регистрации прав не может не знать исключений. Так, переход прав на долю в капитале общества с ограниченной ответственностью может происходить в силу *наследственного преемства*; в этом случае в силу п. 4 ст. 1152 ГК РФ принятая наследником доля считается принадлежащей ему с момента открытия наследства (запись реестра о переходе права на долю к наследнику будет носить деклараторный характер, а не конститутивный).

Другой пример изъятия перехода прав, подлежащих регистрации, из-под действия принципа конститутивной регистрации — это универсальное правопреемство при реорганизации юридических лиц. В этом случае, так же как и при наследовании, подлежащие регистрации права переходят к правопреемнику не с момента регистрации, а с момента наступления факта реорганизации¹⁷.

¹⁵ Например, в ст. 1478 ГК РФ предусмотрено, что обладателем права на товарный знак может быть лишь юридическое лицо либо индивидуальный предприниматель. Что происходит со знаком, если предприниматель прекращает регистрацию в качестве такового, но фактически ведет коммерческую деятельность? Или если товарный знак унаследовало лицо, которое не имеет регистрации в качестве предпринимателя, но при этом осуществляет такую деятельность? Или если товарный знак перешел в качестве ликвидационного остатка к гражданину, являющемуся участником корпорации, но не обладающему статусом индивидуального предпринимателя?

¹⁶ Особенно до введения в действующее законодательство о банкротстве общих положений о банкротстве гражданина. Например, эта норма ст. 23 поднимала такой любопытный вопрос: если физическое лицо осуществляет предпринимательскую деятельность, однако не зарегистрировано как индивидуальный предприниматель, возможно ли применять к нему правила о банкротстве предпринимателей, которые ранее существовали в законодательстве о банкротстве (при отсутствии общих положений о банкротстве граждан)? Кажется, ответ на него должен быть положительным.

¹⁷ Этот вопрос детально проработан в праве недвижимости (подробнее см.: *Бевзенко Р.С.* Принципиальные положения статьи 8.1 Гражданского кодекса РФ о государственной регистрации прав на имущество // Закон. 2015. № 4. С. 29–38).

V. Заявительный характер торговой регистрации

Так как регистрация юридических лиц (и индивидуальных предпринимателей) вводится для частноправовых отношений, она осуществляется исключительно по заявлению лиц, приобретающих права либо участвующих в наступлении фактов, подлежащих регистрации. Исключение из этого правила — исправление технических ошибок, допущенных регистратором¹⁸.

VI. Открытый/закрытый перечень прав и фактов, подлежащих регистрации

Что может быть записано в реестр и тем самым противопоставлено всем третьим лицам: только ли те права и факты, которые прямо объявлены подлежащими регистрации, либо любая информация, которая, по мнению заявителя (самого юридического лица или обладателей зарегистрированных в торговом реестре прав), была бы полезна публике?

Здесь все зависит от того, идет ли речь о регистрации фактов или о регистрации прав.

В отношении регистрации прав, кажется, ответ может быть только отрицательным. Регистрации должны подлежать только те права, которые законом прямо объявлены подлежащими регистрации. В противном случае возникает следующая проблема: если некие права были зарегистрированы в реестре, но закон не выдвигает требования об их регистрации, то это означает, что третьи лица, которые сталкиваются с этими правами, в общем-то и не обязаны изучать реестр. Но тогда регистрация таких прав будет бессмысленной. Например, представим себе, что некое юридическое лицо решило внести в реестр информацию о правах на получение дохода своими участниками. Должно ли лицо, желающее приобрести право требовать выплаты дохода (например, дивидендов), знакомиться с реестровыми данными о том, кому сейчас это право принадлежит? Ответ — нет, не должно, так как исходя из общих положений корпоративного права требование о выплате дохода возникает у участника корпорации (по общему правилу) с момента принятия собранием участников корпорации соответствующего решения. Следовательно, возложение обязанности сделать что-либо на лицо, не состоящее в каких-либо отношениях с корпорацией, путем ее одностороннего действия будет противоречить важнейшему правовому принципу: обязанности не могут возникать иначе чем по воле самого лица либо в силу предписаний закона.

¹⁸ См.: п. 6 приказа Минфина России от 30.10.2017 № 165н «Об утверждении Порядка ведения Единого государственного реестра юридических лиц и Единого государственного реестра индивидуальных предпринимателей, внесения исправлений в сведения, включенные в записи Единого государственного реестра юридических лиц и Единого государственного реестра индивидуальных предпринимателей на электронных носителях, не соответствующие сведениям, содержащимся в документах, на основании которых внесены такие записи (исправление технической ошибки), и о признании утратившим силу приказа Министерства финансов Российской Федерации от 18 февраля 2015 г. № 25н».

Чуть более сложна ситуация с деклараторной регистрацией фактов. С одной стороны, можно повторить уже озвученную аргументацию — раз законодатель не установил необходимость публикации информации о каких-либо фактах, то никаких последствий для третьих лиц эта публикация иметь не может, так как действие лица, опубликовавшего сведения о фактах, не могут влиять на правовые обязанности третьих лиц. С другой стороны, общеизвестно, что при совершении значимых сделок контрагенты всегда запрашивают информацию о юридическом лице — другой стороне сделки в виде выписки из реестра; следовательно, если дополнительная информация о каких-либо фактах, которая была помещена в реестр по желанию юридического лица, тем самым станет автоматически известна потенциальным контрагентам юридического лица, то, видимо, в этом нет особого вреда ни для оборота, ни для самого юридического лица.

А.И. Каминка в начале XX в. выдвинул единственный весомый аргумент против такого подхода — это возможное загромождение реестра несущественными сведениями (которые, однако, самим юридическим лицом рассматриваются как значимые), что может стать естественным препятствием для легкого обозрения реестра третьими лицами¹⁹. Он, возможно, справедлив для времени, когда был сформулирован, однако в настоящее время технологии ведения реестра позволяют автоматически формировать электронные выписки, содержащие любой объем информации. Поэтому этот довод выглядит сегодня, мягко говоря, архаично²⁰.

VII. Органы, осуществляющие торговую регистрацию

Ведение реестра может быть возложено как на государственный орган, так и на частное лицо. В последней ситуации нет ничего необычного или не соответствующего природе частноправовой по своему характеру торговой регистрации. Особенно это утверждение будет верным, если регистрация носит правоподтверждающий характер, а ей подлежат отдельные факты, связанные с существованием юридического лица.

Дело немного осложняется, если объектом регистрации являются права, а регистрация имеет правопорождающий характер и на регистратора в связи с этим возложена функция правовой экспертизы. Но и в этой ситуации нет никаких непреодолимых препятствий для того, чтобы «приватизировать» эту государственную функцию. Даже современному отечественному правопорядку известен случай, когда на частное лицо (регистратора, ведущего реестр владельцев бездокументарных ценных бумаг) возлагается регистрация прав, связанных с участием в коммерческой корпорации — акционерном обществе. Да, деятельность соответствующих лиц лицензируется и осуществляется под довольно строгим пруденциальным надзором со стороны государственного органа (в России — Центральный

¹⁹ См.: Каминка А.И. Указ. соч. С. 221.

²⁰ Хотя невозможно не признать, что современная выписка из российского реестра юридических лиц выглядит, мягко говоря, довольно хаотично и пользоваться ею для быстрого получения информации не очень удобно.

банк Российской Федерации), однако фигура регистратора как частного лица не привносит ничего нового и необычного ни в процедуру регистрации, ни в ее последствия²¹.

Теоретически нет ровным счетом никаких препятствий для того, чтобы и ведение реестра юридических лиц было передано частному лицу на возмездной основе (при наличии, разумеется, государственного контроля и гарантий защиты прав и интересов лиц, полагающихся на данные реестра)²².

Кстати, в целом вполне логична идея возложения задачи по ведению торгового реестра на нотариат как на частный институт, обладающий, с одной стороны, широкой сетью специалистов (нотариусов), являющихся юристами и способных осуществлять правовую экспертизу той или иной степени интенсивности, а с другой — имеющий достаточное техническое оснащение, пригодное для ведения публичного реестра²³.

Если ведение реестра возлагается все же на государственный орган, то это может быть либо *суд*, либо *административный орган*.

Возложение задачи по ведению торговых реестров на суд кажется странным только на первый взгляд. В действительности же это в целом довольно логичное решение. Во-первых, как уже много раз подчеркивалось, задача лица, ведущего реестр, состоит в обеспечении доступа публики к записям о фактах деятельности предпринимателей и о правах, связанных с предпринимательской деятельностью конкретных лиц. Кто как не суды — государственные органы, максимально открытые публике в связи с принципом публичности отправления правосудия — могут справиться с этим лучше других?

Во-вторых, если на регистратора возложена обязанность осуществления юридической проверки документов, поступающих ему для целей внесения записей, то кто как не сотрудники судов могут справиться с ней лучше других юристов государственной службы?

В-третьих, раз данные торговой регистрации обладают качеством достоверности и на них в случае спора (а юридические споры в развитых обществах рассматри-

²¹ Например, нет никаких различий, связанных с переходом права на долю в обществе с ограниченной ответственностью (которое регистрируется государственным органом в реестре юридических лиц), и правом, удостоверенным бездокументарной акцией (регистрируемым частным лицом — регистратором ценных бумаг).

²² Таков пример Нидерландов, где реестр юридических лиц ведет частное лицо — торговая палата (*Kamer van Koophandel*), а не государственный орган. Вообще вопрос о том, могут ли частные лица вести правоподтверждающие и правоустанавливающие реестры, является, кажется, продолжением общей дискуссии о приватизации государственных функций — суда (ср. арбитраж), армии (ср. частные военные компании) и проч.

²³ Современный российский нотариат вполне достойно справился, к примеру, с возложенной на него функцией по ведению реестра залогов имущества, не относящегося к недвижимости (см.: ст. 339.1 ГК РФ).

ваются судами) третьи лица имеют право ссылаться²⁴, то опять же вполне логично доверить регистрацию судам.

Наконец, есть и четвертый аргумент — исторический — в пользу того, чтобы именно суды вели торговые реестры. Дело в том, что в некоторых юрисдикциях суды традиционно вели реестры недвижимости (что, в свою очередь, связано с тем, что архаические представления о передаче права собственности на недвижимость связывали ее с символическим судебным спором о праве); поэтому во многом по инерции функция ведения торговых реестров также была возложена в этих юрисдикциях на суды, уже привычные к тому, чтобы вносить записи в книги, открытые публике²⁵. Разумеется, особенно логичным является такое решение в тех юрисдикциях, где существуют специализированные коммерческие суды.

Если же по каким-то причинам идея о том, что торговый реестр ведется судом, в конкретной юрисдикции отвергается, административный орган, на который возлагается соответствующая задача, должен выбираться с тем расчетом, чтобы тот имел достаточный штат квалифицированных сотрудников для осуществления регистрации, техническую возможность обеспечивать ведение реестра и доступ публики к нему. Однако это может быть — и чаще всего так и происходит — специально созданный для целей ведения торгового реестра административный орган²⁶.

VIII. Соотношение действительности основания совершения записи и последствий внесения записей

Преыдушие рассуждения относительно деклараторной и конститутивной природы записей подводят нас к следующему вопросу: что происходит с записанным в реестр фактом или правом, если выясняется, что в основании записи лежат юридически недействительные волеизъявления (ничтожная сделка или решение собрания либо оспоримые сделка или решение собрания, признанные недействительными)?

Мыслимы два подхода, которые можно условно обозначить как *негативный* и *позитивный*²⁷.

Первый означает, что недействительность волеизъявлений, лежащих в основании соответствующей регистрационной записи, будет влечь за собой и недействительность записи. В этом случае реестровая запись является недостоверной и не по-

²⁴ См., напр.: *Cahn A., Donald D.C. Comparative Company Law. Text and Cases on the Laws Governing Corporations in Germany, the UK and the USA.* Cambridge, 2010. P. 131 ff.

²⁵ Типичным примером является Германия. Другие примеры — Австрия и Чехия.

²⁶ Пожалуй, самый известный пример — Отдел корпораций штата Делавэр, США (*Delaware Division of Corporations*).

²⁷ Это также терминология, принятая в праве недвижимости (см., напр.: *Simpson R. Land Law and Land Registration.* Cambridge, 1976. P. 21).

рождающей никаких правовых последствий соответственно либо с момента ее внесения, либо с момента, когда вступит в силу решение суда о признании недействительным оспоримого волеизъявления.

Однако такой крайне строгий и формальный подход делает регистрацию, по сути, ненужной, ведь последовательное его проведение будет означать, что лица, добросовестно положившиеся на записи реестра, могут быть обмануты в своих правомерных ожиданиях относительно существования зарегистрированных фактов и принадлежности зарегистрированных прав. Именно поэтому негативный подход к соотношению последствий записи и действительности волеизъявления, лежащего в ее основании, неизбежно корректируется принципом добросовестности (об этом см. ниже).

Например, если решение об избрании некоего лица на должность исполнительного органа корпорации будет признано недействительным, то это лицо считается никогда не имевшим полномочий действовать от имени юридического лица, а соответствующая запись в реестре считается никогда не порождавшей юридических последствий в виде полномочий. Однако третьи лица, положившиеся на эту запись, будут защищены правилами о добросовестности (абз. 2 п. 2 ст. 51 ГК РФ).

Другой подход — позитивный — означает, что записи, внесенные по заявлению управомоченных лиц, сохраняют свой эффект, даже если окажется, что волеизъявления этих лиц имеют какие-либо пороки, влияющие на их действительность. В этом случае доверие третьих лиц к реестру защищается существенно лучше: им нет необходимости внимательно изучать основания внесения записей, а достаточно лишь полагаться на сам факт наличия записей.

Позитивный регистрационный подход по общему правилу не защищает третьих лиц в случае, если записи были внесены от имени управомоченных лиц на основании фальшивых (т.е. никогда не имевших место в действительности) волеизъявлений²⁸. Именно поэтому, кстати, при устройстве регистрационной системы целесообразно установить такой фильтр для входящих заявлений, который отсекает те из них, что основаны на сфальсифицированном волеизъявлении²⁹.

Однако позитивная регистрация вовсе не означает, что пороки в волеизъявлениях, ставших основанием для внесения записей в реестр, вообще не будут иметь никаких последствий. Будут — но не недостоверность реестра, а иные, более мягкие по отношению в первую очередь к третьим лицам.

²⁸ Ср. известное ограничение защиты добросовестного приобретателя движимой вещи случаями, когда вещь выбыла из владения собственника помимо его воли. Так и здесь — если запись была внесена помимо воли управомоченного, то даже позитивная регистрационная система отказывается признавать за ней какой-либо правовой эффект.

²⁹ Например, нотариальное удостоверение заявления (либо подписи на нем), направляемого в орган, ведущий торговый реестр. Аналогичным образом устроены регистрационные системы в сфере оборота недвижимости — нотариальное удостоверение волеизъявления, имеющего своей целью передачу либо установление вещного права на недвижимое имущество, служит исключению фальсификаций заявлений, адресованных органам, ведущим поземельные книги (подробнее см.: *Бевзенко Р.С.* Регистрационный конструктор, или Как создать идеальную регистрационную систему? (к русскому переводу работы Р. Торренса) // Вестник гражданского права. 2018. № 2. С. 213 и далее).

Наиболее ярким примером позитивного эффекта регистрации по действующему праву является регистрация юридического лица, созданного в соответствии с грубым нарушением закона (п. 6 ст. 51, подп. 1 п. 3 ст. 61 ГК РФ). Законодатель устанавливает, что если при создании юридического лица были допущены существенные нарушения закона, которые носят неустранимый характер, то юридическое лицо подлежит ликвидации в соответствии с общей процедурой ликвидации юридических лиц. Обращает на себя внимание, что оно не признается никогда не существовавшим (ничтожным), — закон, по сути, устанавливает, что запись о создании юридического лица произвела соответствующий эффект — юридическое лицо создано.

Аналогичный пример — внесение в реестр записи о реорганизации юридического лица на основании недействительного (в связи с процедурными нарушениями) решения. В этом случае запись не отменяется, но лица, проголосовавшие за недействительное решение, несут ответственность в виде обязанности возместить убытки лицам, понесшим их в результате реорганизации³⁰.

Однако даже позитивный характер регистрационной записи о регистрации отступает в случае, если она была внесена на основании сфальсифицированного решения о реорганизации. В этом случае юридические лица, подвергшиеся реорганизации, восстанавливаются, а ее юридические последствия аннулируются (за незначительными изъятиями)³¹.

IX. Принципы легальности, открытости и достоверности записей

Легальность (или легалитет) записей торгового реестра означает, что перед их внесением регистратор провел их юридическую проверку. В зависимости от интенсивности проверки обычно различают легалитеты внешний (формальный) и полный. В первом случае проверка осуществляется исключительно по внешним признакам представленных документов, а также по их содержанию. В задачу регистрирующего органа здесь не входит установление того, действительно ли имело место составление документа, была ли подлинной воля лица, его подписавшего, а также была ли она свободной. Полный же легалитет означает, что регистратор проверяет все перечисленные факты.

Очевидно, что достижение полного легалитета в ходе регистрационных процедур возможно, лишь если время их проведения будет весьма длительным, а регистратор будет наделен серьезными полномочиями, связанными с запросом информации, самостоятельным изучением обстоятельств, касающихся регистрации, и проч. Однако такой подход вступает в противоречие с идеей о том, что торговая регистрация является средством оглашения некоторых фактов и прав, она не должна служить препятствием для осуществления предпринимательской деятельности и тем более она ни в коем случае не должна стать условием, *разрешающим* ведение бизнеса.

³⁰ См.: ст. 60.1 ГК РФ.

³¹ См.: ст. 60.2 ГК РФ.

Таким образом, идея *полного легалитета* записей торгового реестра, скорее, недостижима. Это, в свою очередь, означает, что законодатель должен либо смириться с тем, что возможны — и даже довольно распространены — ситуации, в которых реестр окажется недостоверным, либо пойти на совершенно радикальную меру, полностью приравняв действительность к тому, что записано в реестрах. Например, при таком подходе лицо, записанное в торговый реестр как директор корпорации, *будет* таковым (а не должен рассматриваться третьими добросовестными лицами), даже если эта запись была внесена на основании сфальсифицированных мошенниками заявления и документов об избрании. Понятно, что такое решение расходится с элементарным правовым чувством, присущим даже не юристам, а обывателям — порождение правовых последствий для лица помимо его воли противоречит фундаментальным основам частного права.

Открытость реестровых записей предопределена самой сутью торговой регистрации — необходимостью сделать доступными публике сведения о фактах и правах, связанных с деятельностью юридического лица. Закрытые реестры — это нонсенс, бессмысленная трата времени, усилий и средств налогоплательщиков.

Основные вопросы, касающиеся открытости реестра, — это вопросы, скорее, технических деталей, например: каково должно быть содержание выписки из реестра? Следует ли в нее включать факт ограничения полномочий органа юридического лица и подробные указания, в чем эти ограничения заключаются, и проч.? С одной стороны, тот факт, что участники корпорации ограничили ее менеджмент в праве совершать сделки, скажем, свыше определенной суммы без одобрения совета директоров, будет означать, что полномочия представителей корпорации ограничены и об этом ограничении желательно поведать публике. С другой стороны, такое ограничение может квалифицироваться как элемент внутренних отношений представителя и представляемого; для защиты же интересов контрагентов юридического лица целесообразнее вообще не включать в выписку из реестра указание на какое-либо внутреннее ограничение полномочий менеджмента. Контрдоводом против этого аргумента является отсылка к нормам о доверенности, — раз в доверенности возможно указание на то, что представитель не имеет полномочий на совершение сделок свыше определенной суммы, то почему бы и выписка из реестра, будучи по своему назначению весьма сходным с доверенностью юридическим инструментом, не может содержать такое же указание?

Глобальный же правовой вопрос, связанный с принципом открытости сведений, содержащихся в торговых реестрах, заключается в следующем: должны ли реестры быть открыты любому обратившемуся к ним лицу либо заявитель должен продемонстрировать правомерный интерес в получении сведений из реестра? Строго говоря, формально верным должен быть второй ответ, использование же торговой регистрации для целей, не связанных с коммерческим оборотом (особенно неправовых, вроде подготовки к совершению преступлений), вряд ли может быть оправдано. Однако его реализация на хоть сколько-нибудь содержательном уровне (ином, чем формальная декларация наличия правомерного интереса в заявлении о предоставлении сведений из реестра) может крайне осложнить функционирование всей регистрационной системы, а потому нецелесообразна. Поэтому положение отечественного Кодекса, устанавливающее полную открытость реестра юридических лиц (абз. 1 п. 2 ст. 51 ГК РФ), следует приветствовать; любые же попытки

закрывать реестр в угоду сиюминутным конъюнктурным (и потому антиправовым) мотивам должны рассматриваться как недопустимое попрание принципов торговой регистрации, несовместимое с ее сущностью.

Еще одно интересное наблюдение, связанное с открытостью торговых реестров с точки зрения действующего отечественного правопорядка. Реестр юридических лиц полностью открыт для публики, и это означает, в частности, что информацию о принадлежности корпоративных прав в отношении обществ с ограниченной ответственностью (размер доли в капитале, наличие залога в отношении этих прав) может получить любое лицо. Однако в отношении акционерных обществ реестр, в котором фиксируется принадлежность акций и их количество, а также обременения акций правами третьих лиц, вовсе не публичен³². Понятно, что на практике потенциальный покупатель или залогодержатель акций может легко получить выписку из реестра акционеров на основании доверенности от правообладателя. Однако такое принципиальное расхождение в режимах публичности информации о наличии и объеме корпоративных прав между обществом с ограниченной ответственностью и акционерным обществом вряд ли может быть объяснено каким-то содержательным аргументом. Скорее всего, это просто историческая случайность, связанная с параллельным развитием в России двух систем регистрации прав на доли в корпорациях³³ — в реестре юридических лиц и в реестрах владельцев бездокументарных ценных бумаг. Последние всегда велись частными лицами (регистраторами), а потому идея публичности этих реестров, видимо, не была очевидна разработчикам акционерного законодательства.

Из совокупности принципов *обязательности регистрации, легалитета и открытости реестров* проистекает самое важное последствие торговой регистрации — *публичная достоверность регистрационных записей*. Публичная достоверность реестра означает, что (1) факты и права, записанные в реестр, для третьих добросовестных лиц считаются существующими, и (2) факты и права, не записанные в реестр, для этих лиц не считаются существующими. Соответственно выделяют *положительную и отрицательную достоверность* реестра³⁴.

Достоверность реестра наступает только в отношении *добросовестных* лиц; для лиц же, знающих о том, что реестр недостоверен (т.е. его записи расходятся с действительностью по причине пороков в волеизъявлениях, лежащих в основании записи), записи реестра достоверностью не обладают. Это означает, к примеру, что тот, кто знал о наличии порока в решении собрания, которым лицо было избрано исполнительным органом корпорации, не может ссылаться на данные реестра о том,

³² См.: ст. 46 Федерального закона от 26.12.1995 № 208-ФЗ «Об акционерных обществах», п. 3.5 ст. 8 Федерального закона от 22.04.1996 № 39-ФЗ «О рынке ценных бумаг».

³³ Доказывающая, между прочим, что гипотетически мыслимо существование как опции полной открытости для акционерных обществ, так и опции полной закрытости информации о составе участников для общества с ограниченной ответственностью. В конце концов, сегодня вторая модель может быть легко реализована практически путем нехитрых юридических приемов, связанных с организацией владения долями в уставном капитале ООО.

³⁴ Подробнее об этом см., пожалуй, лучшее исследование феномена публичной достоверности на русском языке: *Самойлов Е.Ю.* Публичная достоверность в гражданском праве: теоретическая конструкция и условия использования института // *Вестник гражданского права.* 2007. Т. 7. № 4. С. 63–107.

что это лицо записано в торговом реестре в качестве представителя (директора) юридического лица. Для недобросовестного лица сделка, совершенная таким лже-представителем, не породит последствия в отношении юридического лица.

Что означает добросовестность лица, обращающегося к данным торгового реестра? Добросовестным является лицо, которое не знало и не должно было знать о том, что записи реестра недостоверны. Пожалуй, самым сложным элементом определения добросовестности (в субъективном смысле) является выражение «не должно было знать». Оно означает, что расхождение «реестровой правды» и действительности не было бы понятно среднему разумному лицу, совершившему такие действия, которые среднее осмотрительное лицо совершило бы, если бы оно было на месте конкретного участника оборота. Понятно, что стандарт осмотрительности задает судебная практика, так как именно суды оценивают, было ли — с точки зрения той фигуры осмотрительного участника оборота, которая есть в голове у судьи — достаточно осмотрительным поведение участника спора, ссылающегося на реестр, и соответствует ли его поведение мыслимому (судьей) стандарту осмотрительного поведения.

Однако невозможно не признать и то, что на взгляды судей о том, что является осмотрительным поведением, оказывают сильнейшее влияние и текущие договорные практики. Приведу такой пример. В течение длительного времени в России складывалась следующая практика проверки полномочий менеджмента юридических лиц их контрагентами: потенциальная сторона договора не довольствовалась выпиской из реестра с указанием того, кто является директором юридического лица, а запрашивала копию устава юридического лица для целей изучения наличия в нем тех или иных ограничений полномочий органов этого юридического лица. Эта практика была долгое время абсолютно доминирующей. На нее откликнулись суды, признававшие, что тот, кто заключил сделку с юридическим лицом, чей директор вышел за пределы полномочий, ограниченных уставом, не может ссылаться на то, что он из выписки из реестра юридических лиц не мог знать о наличии ограничений³⁵. Однако этот подход к содержанию стандарта добросовестности был отвергнут практикой высшей судебной инстанции, которая признала, что изучение учредительных документов юридического лица другой стороной будущего контракта является избыточной мерой проверки полномочий менеджмента контрагента, достаточно лишь изучения содержания реестра юридических лиц в части выяснения того, кто может без доверенности действовать от имени юридического лица³⁶. Очевидно, что с ориентацией на эту правовую позицию высшего суда договорная практика в течение ближайшего времени должна пересмотреть подходы к проверке полномочий менеджмента контрагентов.

³⁵ Действующие положения законодательства о регистрации юридических лиц не предусматривают регистрацию ограничений полномочий директора юридического лица.

³⁶ См.: абз. 3 п. 22 постановления Пленума ВС от 23.06.2015 № 25: «По общему правилу закон не устанавливает обязанности лица, не входящего в состав органов юридического лица и не являющегося его учредителем или участником (далее в этом пункте — третье лицо), по проверке учредительного документа юридического лица с целью выявления ограничений или разграничения полномочий единоличного исполнительного органа юридического лица или нескольких единоличных исполнительных органов, действующих независимо друг от друга либо совместно».

Таким образом, дилемма «курица или яйцо» применительно к стандарту добросовестности, скорее, решается следующим образом: этот стандарт задается практикой высшей судебной инстанции страны, которая, формируя правовые позиции по вопросу о том, что является достаточным и разумным при вступлении в те или иные правоотношения, активно влияет на поведение участников гражданского оборота³⁷.

В действующем ГК идея достоверности реестра заложена в абз. 2 п. 2 ст. 51: «Лицо, добросовестно полагающееся на данные единого государственного реестра юридических лиц, вправе исходить из того, что они соответствуют действительным обстоятельствам. Юридическое лицо не вправе в отношениях с лицом, полагавшимся на данные единого государственного реестра юридических лиц, ссылаться на данные, не включенные в указанный реестр, а также на недостоверность данных, содержащихся в нем...»

Эта же норма содержит еще одно крайне важное исключение из принципа публичной достоверности реестра: достоверность не защищает третьих лиц, когда записи в реестр были внесены помимо воли действительного управомоченного. В тексте Кодекса эта идея выражена следующими словами: сведения реестра достоверны «...за исключением случаев, если соответствующие данные включены в указанный реестр в результате *неправомерных действий третьих лиц или иным путем помимо воли юридического лица* (курсив мой. — Р.Б.)». Это изъятие из действия достоверности реестра является продолжением общеправового принципа недопустимости вменения лицу правовых последствий, образовавшихся вследствие действий, не находившихся в сфере его контроля. Например, в знаменитой ст. 302 ГК РФ установлено правило о том, что в споре между собственником (движимой) вещи и ее добросовестным приобретателем от неуправомоченного отчуждателя последний проигрывает, если вещь выбыла от собственника помимо его воли. Аналогичным образом добросовестное лицо, в чью пользу был установлен залог неуправомоченным залогодателем (т.е. не собственником), не приобретает по добросовестности право залога (см. ст. 335 ГК РФ). Еще один пример из того же логического ряда: если полномочия лица основаны на фальсифицированной доверенности (т.е. такой, которая никогда не выдавалась лжепредставителю), то в силу положений ст. 183 ГК РФ сделка, совершенная лжепредставителем, связывает его, но не представляемого, даже если контрагент по такой сделке добросовестно заблуждался относительно полномочий лжепредставителя.

Положения ст. 51 ГК РФ не связывают эффект достоверности с еще одним реквизитом, который иногда устанавливается законодателем как условие защиты добросовестного лица, — с возмездностью сделки, при совершении которой одно

³⁷ Кстати, любопытно, что при ответе на вопрос о том, каков стандарт осмотрительного поведения контрагента при проверке прав контрагента на отчуждаемый объект недвижимости, тот же ВС РФ почему-то не останавливается на идее достаточности проверки реестровых записей о принадлежности имущества отчуждателю и наличии либо отсутствии обременений, а требует изучения всех возможных документов (как продавца, так и его предшественников), касающихся недвижимости, сводя тем самым значение регистрации прав на недвижимость к нулю. Такой подход нелеп в юрисдикции, в которой существует система (причем довольно развитая) регистрации прав на недвижимое имущество.

лицо добросовестно полагалось на реестровые сведения³⁸. Такое решение все же не означает, что тот, кто, добросовестно полагаясь на записи реестра, вступил в безвозмездную сделку с, например, неуполномоченным директором, сохранит приобретенное имущество. Целесообразно было бы признать, что такое приобретение является неосновательным обогащением и подлежит возврату по правилам главы 60 ГК РФ.

Универсальный способ устранения самой возможности появления фигуры добросовестного лица, ссылающегося на записи реестра, — это внесение в реестр отметок о возражениях (протестация). Наличие отметки о том, что в отношении реестровой записи возбужден спор либо просто имеются лица, не согласные с записью, означает, что она (отметка о возражении) будет включена в выписку из реестра и все третьи лица будут считаться знающими о наличии споров, возражений или притязаний против записанных фактов или прав. Следовательно, сам факт наличия отметки о возражении означает, что либо — исходя из осмотрительного поведения — третье лицо воздержится от вступления в соответствующие отношения, либо примет на себя риски благоприятного (для лица, заявившего возражение) исхода спора, возражение о котором было зафиксировано в реестре; при этом такое третье лицо, разумеется, не может считаться добросовестным.

Институт отметок о возражениях неплохо проработан в праве недвижимости³⁹; что же касается торговой регистрации, то действующий закон содержит некоторые правила о протестации. Речь идет о положениях п. 6 ст. 11 Федерального закона от 08.08.2001 № 129-ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» (далее — Закон о государственной регистрации), согласно которым в реестр может быть включено указание на то, что записанные в нем сведения являются недостоверными⁴⁰.

³⁸ Например, уже много раз упомянутая защита добросовестного приобретателя вещи (ст. 302 ГК РФ) организована таким образом, что безвозмездные приобретения не защищены и добросовестный приобретатель проигрывает собственнику, несмотря на то что он имел основания полагаться на видимость права отчуждателя.

³⁹ См.: ст. 8.1 ГК РФ о государственной регистрации прав на имущество, в частности п. 7. Теоретически, с учетом того, что ст. 8.1 Кодекса регулирует все случаи государственной регистрации прав на имущество, положения об отметках о возражениях против зарегистрированного права должны применяться в отношении государственной регистрации прав на долю в ООО, а в отношении акций они должны применяться по аналогии закона (ст. 6 ГК РФ).

⁴⁰ «В случае, если по результатам проведения проверки достоверности сведений, включенных в единый государственный реестр юридических лиц, установлена недостоверность содержащихся в нем сведений о юридическом лице, предусмотренных подпунктами «в», «д» и (или) «л» пункта 1 статьи 5 настоящего Федерального закона [об адресе юридического лица, его участниках и исполнительном органе. — Р.Б.], регистрирующий орган направляет юридическому лицу, недостоверность сведений о котором установлена, а также его учредителям (участникам) и лицу, имеющему право действовать без доверенности от имени указанного юридического лица (в том числе по адресу электронной почты указанного юридического лица при наличии таких сведений в едином государственном реестре юридических лиц), уведомление о необходимости представления в регистрирующий орган достоверных сведений (далее — уведомление о недостоверности).

В течение тридцати дней с момента направления уведомления о недостоверности юридическое лицо обязано сообщить в регистрирующий орган в порядке, установленном настоящим Федеральным законом, соответствующие сведения или представить документы, свидетельствующие о достоверности сведений, в отношении которых регистрирующим органом направлено уведомление о недостоверности. В случае

Х. Исправление ошибочных записей. Ответственность регистратора

Исправление записей реестра может быть двух типов: *исправление ошибочной записи* и *исправление технической ошибки*. Исправление технических ошибок (опечаток и проч.) может быть осуществлено самостоятельно лицом, ведущим реестр⁴¹.

Исправление же записей (исключение записи либо такое исправление ее содержания, которое влияет на объем права или на содержание зарегистрированного факта) может быть осуществлено либо по заявлению самого управомоченного лица, либо по инициативе третьего лица, но при наличии судебного решения об исправлении реестра. Такой судебный акт будет заменять отсутствующую волю управомоченного лица на соответствующее исправление.

Например, если некто был записан в реестре в качестве директора корпорации, однако один из ее участников добился в судебном порядке признания недействительным решения об избрании директора, то этот же участник вправе требовать исправления реестра в части исключения указания на неуправомоченное лицо как на представителя юридического лица. Ответчиком по такому иску будет сама корпорация (но ни в коем случае не орган, ведущий реестр юридических лиц). Данный иск (и, соответственно, решение по нему) является иском о признании, т.е. он направлен на констатацию недостоверности реестра и ее устранение.

Другой пример. Если лицо уклоняется от передачи доли в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью покупателю доли, то последний вправе предъявить иск об исправлении реестра — о государственной регистрации перехода права на долю к нему. Решение по такому делу является основанием для внесения соответствующих записей в реестр; право переходит к покупателю доли с момента внесения записи⁴². Ответчиком по такому иску будет лицо, записанное в реестр как правообладатель. Но в отличие от предыдущего случая этот иск (и судебный акт по делу) является не иском о признании, а иском о присуждении, т.е. о понуждении к исполнению юридической обязанности, лежащей на ответчике⁴³.

невыполнения юридическим лицом данной обязанности, а также в случае, если представленные юридическим лицом документы не свидетельствуют о достоверности сведений, в отношении которых регистрирующим органом направлено уведомление о недостоверности, регистрирующий орган вносит в единый государственный реестр юридических лиц запись о недостоверности содержащихся в едином государственном реестре юридических лиц сведений о юридическом лице».

⁴¹ В России — см. абз. 5 п. 1 ст. 4 Закона о государственной регистрации.

⁴² См.: ст. 21 Федерального закона от 08.02.1998 № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью».

⁴³ Подробнее об исках о признании, присуждении и преобразовании применительно к регистрационным системам см.: *Егоров А.В., Ерохова М.А., Ширвиндт А.М.* Обобщение применения арбитражными судами норм ГК РФ о вещно-правовых способах защиты права // Вестник гражданского права. 2007. Т. 7. № 4. С. 108–140.

Ответственность регистратора возможна за два вида нарушений: за внесение недостоверных записей в реестр, а также за *незаконный отказ в регистрации*.

Первый случай ответственности тесно связан с объемом легалитета реестра и глубиной юридической экспертизы, осуществляемой регистратором. Легко заметить, что чем ниже требования к проверке документов, представленных заявителем, тем тяжелее упрекнуть регистратора в том, что по его вине в реестр были включены недостоверные сведения, которые повлекли за собой убытки у третьих лиц, пострадавших от этих сведений, либо у самого юридического лица, недостоверные сведения о котором были записаны в реестр. Здесь потенциально ответственным за включение недостоверных сведений является заявитель, по чьей инициативе достоверность реестра пострадала. Это, разумеется, не исключает возможность привлечения к ответственности и регистратора, если будет установлена его вина в возникшей недостоверности реестра⁴⁴.

Гипотетически мыслим и иной подход к компенсации, выплачиваемой регистратором за внесение в реестр недостоверных сведений, основанный не на ответственности, а на концепции страхования рисков третьих лиц, доверившихся реестру. Этот подход удачно укладывается в такое понятие общего права, как *indemnity*, т.е. обязательство возместить имущественные потери, понесенные в результате наступления некоего события⁴⁵.

Обязанность возмещать потери возникает, как правило, из договора, но может быть установлена и законом. Например, именно такой подход распространен в странах общего права в отношении реестров недвижимости: считается, что, внося запись в реестр недвижимости, регистратор индемнифицирует для всех третьих лиц тот факт, что право принадлежит записанному в реестр лицу. Если же оказывается, что этот факт недостоверен и недвижимость будет истребована у добросовестного приобретателя по тем или иным причинам, то регистратор выплачивает (как правило, из своего фонда, в котором аккумулируются платежи, составляющие пошлины за регистрационные действия) компенсацию потерпевшему по принципу «фунт за фунт» (т.е. фунт компенсации за фунт потерь)⁴⁶. Легко заметить, что при подобном подходе не имеет значения ни незаконность (либо законность) действий регистратора, ни наличие (или отсутствие) у него вины — важны лишь обнаружившаяся недостоверность реестра и образовавшиеся вследствие этого негативные имущественные последствия у третьих лиц, доверившихся реестру.

Однако у такого подхода к организации компенсаторной функции реестра есть и свои оборотные отрицательные стороны: он требует повышения расходов на пошлины (так как выплаты могут быть весьма значительными), а также такой организации компенсационного фонда регистратора, которая бы защитила его от ин-

⁴⁴ Принцип ответственности регистратора за *виновное* нарушение следует как из специального законодательства о регистрации (см.: п. 2 ст. 24 Закона о государственной регистрации), так и из общих положений об ответственности казны за действия государственных органов (ст. 1064 и 1069 ГК РФ).

⁴⁵ См.: *Hartley T.* The law of suretyship and indemnity in the United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland and Ireland. Luxembourg, 1974. P. 5 ff.

⁴⁶ Подробнее см.: Discussion Paper on Land Registration: Registration, Rectification and Indemnity. Edinburgh, 2005. P. 100 ff.

фляции и иных возможных негативных последствий неумелого управления этим фондом.

Кажется, в случае с торговой регистрацией потребность в восприятии концепции страхования и отказа от концепции ответственности регистратора отсутствует. Это связано с тем, что, в отличие от реестров недвижимости, торговая регистрация все же делает основной акцент на *сообщения* публике о фактах (и в редких случаях о правах), причем регистрация прав и фактов осуществляется в весьма формальной процедуре, не предполагающей детальную проверку того, истинны ли они и действительны ли волеизъявления, с которыми связана регистрация. Установление же более серьезной проверки неизбежно повлечет усложнение регистрационных процедур для предпринимателей. Однако перекладывать (за счет неизбежного повышения пошлин) на общество риски недостоверности реестра в таких случаях вряд ли было бы оправданным. Кроме того, существование принципа страхования в праве, регулирующем оборот недвижимости, может быть объяснено еще и тем, что сделки с недвижимостью совершаются участниками оборота довольно редко, это серьезные покупки и вложения, которые делаются лицами (особенно гражданами) один-два раза в течение всей жизни. И именно поэтому настоятельно требуется повышенная защита имущественных интересов таких сделок. В отношении же торговых реестров этот аргумент и вовсе неприемлем.

Второй случай ответственности регистратора — ответственность за незаконный отказ в совершении регистрационной записи либо нарушение сроков государственной регистрации — также устанавливается исходя из общего подхода ответственности за вину. Судебная практика свидетельствует о том, что за почти два десятилетия действия системы торговой регистрации в России таких исков было подано ничтожно малое количество. По всей видимости, это может быть объяснено либо тем, что органы по регистрации работают безупречно, либо (что вероятнее) сложностями в доказывании неправомочности отказа либо затягивания совершения регистрационных записей, а также сложностями доказывания размера убытков, подлежащих возмещению⁴⁷.

References

Adenas M., Wooldridge F. European Comparative Company Law. Cambridge, CUP, 2009. 648 p.

Albert M. Company Registration in Its Historical Context: Evolution Not Revolution. University of Miami Business Law Review. 2001. Vol. 9. P. 67–106.

Bevzenko R.S. The Land Registration Toolkit, or How to Establish a Perfect Registration System? (to the Russian Translation of Work by R. Torrens) [*Registratsionnyi konstruktor, ili Kak sozdat' idealnuyu registratsionnuyu sistemu? (k russkomu perevodu raboty R. Torrensa)*]. Civil Law Review [*Vestnik grazhdanskogo prava*]. 2018. No. 2. P. 203–225.

⁴⁷ На момент написания очерка база судебных актов «КонсультантПлюс» содержала всего лишь 17 постановлений окружных судов, в которых бы применялась норма п. 2 ст. 24 Закона о государственной регистрации. Беглый обзор актов показал, что в подавляющем числе случаев суд просто сослался на эту норму в деле о признании действий регистратора незаконными; о взыскании убытков (в виде уплаченной государственной пошлины) речь шла в единицах дел.

- Bevzenko R.S.* Essential Provisions of the Article 8.1 of the Civil Code of the Russian Federation on State Registration of Rights to Property [*Printsipialnye polozheniya stat'i 8.1 Grazhdanskogo kodeksa RF o gosudarstvennoi registratsii prav na imuschestvo*]. Statute [*Zakon*]. 2015. No. 4. P. 29–38.
- Cahn A., Donald D.C.* Comparative Company Law. Text and Cases on the Laws Governing Corporations in Germany, the UK and the USA. Cambridge, CUP, 2010. 956 p.
- Gareis K.* German Trade Law [*Germanskoe torgovoe pravo*]. Iss. 1. Moscow, Tipografiya A.I. Mamontova i Ko, 1893. 399 p.
- Hartley T.* The Law of Suretyship and Indemnity in the United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland and Ireland. Luxembourg, 1974. 72 p.
- Ivanitskiy D.I.* Trade Registration [*Torgovaya registratsiya*]. Moscow, Izdatelstvo Narkomtorga SSSR, 1926. 128 p.
- Kaminka A.I.* Essays on Trade Law [*Ocherki po torgovomu pravu*]. Moscow, Tsentr YurInfoR, 2002. 547 p.
- Samoilov E.Yu.* Public Credibility in Civil Law: Theoretical Structure and Conditions of Use of the Institution [*Publichnaya dostovernost' v grazhdanskom prave: teoreticheskaya konstruktsiya i usloviya ispolzovaniya instituta*]. Civil Law Review [*Vestnik grazhdanskogo prava*]. 2007. No. 4. P. 63–107
- Simpson R.* Land Law and Land Registration. Cambridge, CUP, 1976. 726 p.

Information about the author

Roman Bevzenko — Professor at Russian School of Private Law, PhD in Law (103132 Russia, Moscow, Ilyinka St., 8, bld. 2; e-mail: rbevzenko@gmail.com).